

№ 3 - не выходящая смена обложки № 4 = 3 номера. 24/1

ЖИВЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ВСѢХЪ.

1913 г. ДЕКАБРЬ № 12

СОДЕРЖАНІЕ

СТИХОТВОРЕНІЯ: — Л. Бак-
тисъ, А. Боане, Барыковъ,
К. Градичъ, А. Кругловъ,
Н. Орличъ, Ольгердъ, Вал.
Франчичъ.

А. МАЛЫШКИНЪ. — Послед- ній Барыковъ	1
С. СКИТАЛЕЦЪ. — Вероника . .	21
Э. ГЕДЫМИНЪ. — Нельзя . . .	31
А. КОТЕНЕВЪ. — Два сада . .	41
К. ДЕБРИНЪ. — Таежные волки.	51
М. ТРАЦЕНКО. — Струна . . .	75
А. ПЕТРИЧЪ. — Новелла . . .	81
Э. М. ЛОМАННЪ. — (Перев. съ франц.) Земля праведная.	87

Ө. МАЯКОВЪ. — Поэтъ-фило- совъ	95
К. П. — „Бѣсы“ въ Московскомъ Художественномъ Театрѣ и Горькій	101
С. А. ГАМАЛОВЪ. — Подъ зна- менемъ хама	109
В. ЖУКЪ. — Психика и питаніе.	113
Л. М. — Праздникъ культуры . .	121
Г. Г. — Угольный голодъ	125
Л. М. — Эпоха синематографа . .	127
НОВЫЯ КНИГИ	134
ОБЪЯВЛЕНІЯ.	
2 рисунка.	

На годъ съ доставкой и пересылкой 2 руб. 20

Цѣна отдѣльнаго номера 25 к.

КОНТОРА И РЕДАКЦІЯ:

СПБ., ЗАГОРОДНЫЙ ПР., 36

Телеф. 107-88.

При этомъ номерѣ приложень подписной бланкъ на журналъ „НИВА“ на 1914 годъ. Съ заяв-
леніемъ на неполученіе подписного бланка, обращаться въ контору журнала „НИВА“, СПБ., ул., Гоголя, 22.

гики? Вот краеугольный камень, главная точка от которой вестъ свое наступленіе Горькій. „Я увѣренъ, что нѣтъ, — оно вредно“, пишетъ авторъ „Мѣщанъ“.

Это „представленіе“ — затѣя сомнительная эстетически и безусловно вредная социалью, „ибо передъ нами огромная работа внутренней реорганизации не только въ социалью политическомъ смыслѣ, но и въ психологическомъ... Намъ больше, чѣмъ кому либо другому необходимы духовное здоровье, бодрость, вѣра въ творческія силы разума и вѣры“.

... „А у насъ показываютъ гнойныя язвы, омертвѣвшія тѣла, заставляя думать, что мы живемъ среди мертвыхъ душъ и живыхъ труповъ... Время-ли теперь любоваться уродствами? Вѣдь они заражаютъ, внушая отвращеніе къ жизни, къ человѣку“...

„Русская жизнь пресыщена страданіями, въ ней достаточно реального горя, реальныхъ мукъ; намъ хотять показывать еще страданія прреальные, искусственно соединенныя.“

И я предлагаю всѣмъ духовно здоровымъ людямъ, всѣмъ, кому ясна необходимость оздоровленія русской жизни, протестовать противъ постановки романовъ Достоевскаго на подмосткахъ театра.“

Я нарочно привелъ тѣ мѣста письма Горькаго, въ которыхъ въ болѣе ясныхъ, опредѣленныхъ положеніяхъ вылился главный вопросъ протеста противъ постановки „Бѣсовъ“, какъ пьесы вредной въ интересахъ „соціальной педагогики“.

Выступленіе Горькаго, не есть что нибудь „нестественное, не вяжущееся съ его прошлой литературной дѣятельностью“, какъ думаютъ одни; оно не есть и „страница книги жизни писателя безъ начала и конца, не связанная преемственной связью съ предыдущими и послѣдующими“, какъ думаютъ другіе.

Въ бытность свою въ Россіи, когда художественный театръ рѣшился поставить Тургенева, авторъ „Мѣщанъ“ возмущился тоже, такъ какъ пьесы Тургенева по его мнѣнію не бодрятъ, а развращаютъ публику, толкаютъ ее на путь мѣщанства жизни.

Протесту не вяли. Художественный театръ принялся за инсценировку Толстого и Достоевскаго. Поставили „Живой трупъ“, затѣмъ „Карамазовыхъ“ и наконецъ „Бѣсы“. Горькій не могъ долше выдержать. Пришлось разразиться въ московскія газеты по адресу Достоевскаго.

Это уже второе выступленіе Горькаго противъ творца „Бѣсовъ“. Вспомнимъ 1905 годъ, когда онъ открыто и впервые бросилъ Достоевскому слово „Мѣщанинъ“ и спустя нѣкоторое время, въ одной изъ столичныхъ газетъ помѣстивъ объемистый фельетонъ, гдѣ подробно изложилъ свой взглядъ на творчество Достоевскаго.

Лихорадочно-политическая жизнь этого года, великія надежды общества на обновленіе жизни и послѣдовавшее за этимъ быстрое разочарованіе не позволили обществу и литературѣ съ должнымъ вни-

маніемъ отнестись къ выпадъ Горькаго, и онъ, если не считать ничтожной кучки газетоѣдовъ, прошелъ незамѣченнымъ. Протестовать не думалъ никто, — ибо общество все равно не услышало бы этого протеста.

Шли годы... Улеглась „политическая лихорадка“. Человѣкъ, какъ прилагательное къ той или иной политической группѣ, человѣкъ автоматъ, мыслящій и могущій мыслить только черезъ призму взглядовъ и возрѣній ея членовъ, незамѣтно сошелъ со сцены жизни. На смѣну ему выступилъ другой. Человѣкъ не какъ придатокъ къ чему то общему, однобокому, окрашенный въ извѣстный цвѣтъ политической тенденціозности, а человѣкъ, какъ онъ есть, во всей многогранности его душевныхъ переживаній, свободный въ своихъ сужденіяхъ, поступкахъ и дѣйствіяхъ. Онъ преступенъ. Онъ умалишенный отъ сознанія своей преступности, и того душевнаго разлада, который переживаетъ. Онъ — человѣкъ мучитель — по своей жестокости, и мученикъ своей собственной жестокости, всегда мучимый, всегда терзаемый неразрѣшенностью „проклятыхъ вопросовъ“.

Перемѣнились и оцѣнка личности. Пригодность или непригодность личности, измѣрившаяся ранѣе, въ эпоху „политической лихорадки“ политическими взглядами этой личности на социальное положеніе общественныхъ группъ, рѣзко выказала уклоненіе въ сторону проникновенія въ психологическія глубины человѣческой души, независимо отъ ея принадлежности къ той или иной общественной группѣ. Цѣнность личности человѣка стала вновь разсматриваться не какъ придатокъ общей „соціальной педагогики“, а какъ самодовлѣющая единица, цѣнная сама по себѣ. Пусть эта единица преступна, пусть это уродъ жизни, пусть некрасива ея душа, но все же это душа человѣка цѣльнаго въ своихъ переживаніяхъ, душа не забронированная въ тогу „соціальной педагогики“, встаетъ до безумія однобокой.

Нельзя подходить къ этой душѣ, а вмѣстѣ съ ней и къ творчеству такого писателя, какъ Достоевскій, съ мѣркой, подобной мѣркѣ Горькаго и оцѣнивать его по обывательски, съ точки зрѣнія текущаго политическаго момента и „маленькой пользы“.

Неудивительно, что подобная мѣрка не только взволновала кружокъ художественнаго театра, но подняла бурю и въ широкихъ литературныхъ кругахъ и даже среди читателей, близко принявшихъ участіе въ поднятой полемикѣ.

По словамъ Леонида Андреева творчество Достоевскаго не можетъ быть разсматриваемо съ узкой точки современнаго политическаго общественнаго движенія. Это творчество глубже, шире, разностороннѣе. Вопросы и задачи, которые рѣшаются такимъ писателемъ, не суть вопросы момента, а вопросы и задачи міровые, вѣчные, общечеловѣческіе. Мысль Достоевскаго зрѣлая, и ея зрѣлость указываетъ на такую-же зрѣлость общественной мысли.

Койранскій въ „Утрѣ Россіи“ указываетъ на непо-

слѣдовательность автора письма „о Карамазов-щину“.

Въ письмѣ Горькій отмѣчаетъ, что Достоевскій вѣрно изобразилъ двѣ болѣзни русскаго человѣка: „садическую жестокость во всемъ разочаровавшагося нигилиста и противоположность ея—скептицизмъ существа разбитаго, запуганнаго, способнаго наслаждаться своимъ страданіемъ“...

По мнѣнію Койранскаго не нужно не только молчать о нихъ, но изображеніе подмѣченныхъ уродствъ должно привѣтствовать съ точки зрѣнія „соціальной педагогики“, ибо безъ изслѣдованія, анализа—нельзя излѣченіе общества. Не заснуть отъ такого изображенія дремлющая совѣсть, а напротивъ проснется, испуганная своимъ изображеніемъ.

Горькій говоритъ объ „искусственномъ соединеніи“, по кто, какъ не онъ искусственными нитями связываетъ Каратаева съ Карамазовымъ.

Горькій возстаётъ противъ изображенія на сценѣ жестокостей. Но по мнѣнію Койранскаго нельзя трактовать о жестокости тогда, когда самъ допускаешь ихъ изображеніе, какъ это допускаетъ Горькій въ своихъ пьесахъ, гдѣ обвариваютъ кипяткомъ, громятъ, убиваютъ звѣрски.

Не возможно измѣрять цѣнность и полезность писателя съ соответствіемъ или несоответствіемъ момента съ точки зрѣнія общественной гигиены.

Съ горячимъ протестомъ противъ выпада Горькаго выступилъ Арцыбашевъ. Горькій не понял и не понимаетъ Достоевскаго. Эта духовная слѣпота, слѣдствіе его измѣны искусству. Онъ ушелъ отъ искусства, въ узкіе ряды партіи и партійныхъ воззрѣній, измѣнилъ искусству и искусство измѣнило ему, ушло отъ него.

Разрывъ съ искусствомъ явленіе не единичное. Примѣромъ можетъ служить Толстой, но Толстой прямо и смѣло заявилъ, что онъ уходитъ отъ искусства, порываетъ связь со всемъ прошлымъ.

Съ Горькимъ не то. Онъ не только не сложилъ своихъ полномочій, какъ художникъ, но увѣренъ что служить искусству, а между прочимъ забылъ смыслъ, цѣли и значеніе искусства. Затворившись, подобно улиткѣ, въ раковину политическихъ убѣжденій, онъ, какъ и всякій узкопартійный человѣкъ, отрицаетъ высшіе запросы духа, подчиняя искусство скучной и узкой цѣли момента, требуя отъ него „маленькой пользы“.

Если бы Горькій обладалъ смѣлостью, то ему пришлось-бы довести свои идеи до конца, онъ долженъ былъ-бы придти къ заключенію, что если постановка произведеній Достоевскаго на сценѣ вредна, то во сколько-же разъ вреднѣе ихъ распространеніе въ видѣ книгъ.

Если согласиться, что „высшіе запросы“ духа пустая болтовня, что же нужно дѣлать съ произведеніями художниковъ слова, ставившихъ великіе запросы „выше момента, выше маленькой пользы“ маленькихъ людей?

Мысль, что постановкой „Бѣсовъ“ художественный театръ играетъ въ руку черной партіи, не находитъ обоснованія. Искусство слишкомъ свободно и не считается съ грязью могущей „пристать къ его подошвамъ“, къ тому-же нужно имѣть слишкомъ узкій умъ, чтобы видѣть въ „Бѣсахъ“ Достоевскаго пасквиль. Произведеніе это есть гениальнѣйшая и глубочайшая картина разложенія человѣческой мысли, утратившей стараго Бога и еще не нашедшей новаго.

Игнатъвъ въ одной изъ статей „Русскихъ Вѣдомостей“ поставилъ вопросъ такъ: „Есть-ли вредна я литература?“

Вредной литературы, по мнѣнію Игнатова, нѣтъ. Есть, конечно, произведенія бьющія на низменныя чувства читателя, его скотскіе инстинкты. Но это не литература. Литературное произведеніе всегда плодъ „ума холодныхъ наблюденій въ сердца горестныхъ замѣтъ“ т. е. глубокой, внутренней работы, искренней и пылкой.

Возможно и гений можетъ заблуждаться. Но и въ заблужденіяхъ его—„благаго человѣчества“. Сотни другихъ трудятся надъ его творчествомъ, стараясь понять и видоизмѣнить ошибку гения. И черезъ нѣкоторое время получается тотъ чистый кристалль, имя которому Истина.

„Читать“, говорить словами Анатоля Франса Игнатова, значить—переводить. Каждый читатель переводитъ книгу на языкъ своихъ желаній, и мысли.

Ф. Сологубъ недоумѣваетъ, какъ понимать протестъ Горькаго. Если авторъ письма стоитъ на почвѣ „соціальной педагогики“, то неужели-же изъ этого вытекаетъ отрицательное отношеніе идеологии рабочихъ къ вопросамъ искусства? Причемъ здѣсь „злой гений“ Достоевскаго? Вѣдь трактовать о „зломъ гени“ можно лишь тогда, когда является возможность забыть все то, что дано тобою обществу. Объ этомъ не подумалъ Горькій.

Для Номо повисъ сравненіе и выводъ Горькаго объ увеличеніи числа самоубійствъ, благодаря постановкѣ „Братьевъ Карамазовыхъ“, напоминаетъ Побѣдоносцева, который для борьбы съ ними запретилъ о нихъ печатать.

Потапенко передаетъ свои впечатлѣнія отъ чтенія письма Горькаго. Впечатлѣніе это жуткое. Ему представляется, что будь Горькій министромъ „и въ трескучіе морозы на перекресткахъ улицъ жгли бы не дрова, а томы сочиненій Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Толстого, всѣхъ, кто осмѣлился мыслить иначе, чѣмъ министръ-Горькій“. Единственное желаніе Потапенки—избавиться отъ цензоровъ справа, по назначенію, и слѣва добровольныхъ, „ибо всѣ они однимъ муромъ мазаны“.

Изъ сторонниковъ Горькаго необходимо отмѣтить Виткекаго, выступившаго въ газетѣ „За правду“. Но какъ и Горькій, онъ исходитъ только со стороны интересовъ соціальной педагогики. Для него существуетъ двѣ группы, два міра: міръ пролетаріата

и міръ буржуазіи. Къ послѣднему примкнула въ своемъ ренегатствѣ интеллигенція. Если она прощаетъ Достоевскому, то только потому, что готова удовлетвориться податкой со стороны реакціи. Ученикъ, оказывается, зашелъ по „соціальной педагогикѣ“ дальше своего учителя. Но... но право-же это точный снимокъ Тургеневскаго Зудотѣшина, помѣстившаго подъ одною повѣстью свое безсмертное резюме: „Сѣю рукопись читаль, но содержаніе оной вѣ одобрилъ. Петръ Зудотѣшинъ.“

Разница въ томъ, что мнѣнія своего Зудотѣшинъ не навязывалъ. Горькій-же и иже съ нимъ кричатъ, запрещаютъ, навязываютъ, проклинаютъ несогласныхъ.

Михайловскій опредѣлили талантъ Достоевскаго „жестокимъ талантомъ“; онъ проявлялся въ Достоевскомъ художникѣ и Достоевскомъ публицистѣ. Но и критическій анализъ Михайловскаго часто пасовалъ передъ „великими запросами духа“, которые ставилъ Достоевскій. Вотъ почему критикъ такъ осторожно относился къ творчеству „жестокаго таланта“. Если не ошибаюсь, то одна изъ его статей по поводу Достоевскаго оканчивается такъ: „Мы съ Вами, читатель, такъ потрепались нервами за это тяжелое, страшное время, что о немъ надо говорить или по душѣ, открыто, или же не говорить вовсе. А чтобы гово-

рить по душѣ, надо другое время. Надо весны подождать, чтобы ледъ таялъ, цвѣты расцвѣтали, весеннія птицы пѣли весеннія пѣсни“...

Это яркое опредѣленіе невольно приходитъ на умъ, когда просматриваешь диспутъ о „Бѣсахъ“. Не забыла ли толпа одну вѣковѣчную, старую, какъ міръ истину: „надо быть прежде всего людьми и людьми“. „И дико и странно было слышать“, говорить Кривицкій, одинаково и „защиту“ великой тѣни гениальнаго писателя и быть свидѣтелями рокового непониманія. Казалось, ими овладѣлъ бѣсъ упрощеннаго воспріятія жизни и быстрого и прямолинейнаго рѣшенія наболѣвшихъ и сложныхъ вопросовъ. Не объ такихъ-ли „бѣсахъ“ всю жизнь болѣлъ и тосковалъ Достоевскій? Но онъ не выгналъ ихъ, а только распугалъ, и въ дикомъ и странномъ танцѣ они крутились теперь, какъ и въ былые дни, надъ нашими главами. Но... но не такъ-то легко выбросить Достоевскаго изъ нашего прошлаго и настоящаго. Здѣсь какой-то затаявшійся узелъ жизни. И когда и кто его развяжетъ — пока неизвѣстно. Но можно быть увѣреннымъ, что тактика Горькаго безсилна. Не ей суждено разрѣшить вопросъ о „великихъ запросахъ“ искусства и жизни.

К. П.

Ввиду того, что статья эта посвящена только что такъ сильно волновавшему общество и печать, въ высшей степени интересному, спору, въ которомъ высказали свои мнѣнія многіе писатели,—редакція дала ей мѣсто на страницахъ журнала, хотя и не вполне солидарна съ взглядами автора.

По нашему мнѣнію, инсценировка произведеній великихъ авторовъ вообще является „самоуправствомъ“ по отношенію къ нимъ и несомнѣнно неизбѣжнымъ искаженіемъ ихъ творенія, ибо художественная „пропорція“ не можетъ не быть нарушена при операциі произвольнаго извлеченія лишь нѣкоторыхъ сценъ и эпизодовъ, причемъ фонъ, на которомъ развертываются событія, исчезаетъ, и тѣмъ нарушается общее впечатлѣніе.

Не сочувствуя инсценировкѣ вообще—мы думаемъ, что въ частности „Бѣсы“ особенно легко могутъ на сценѣ оказаться произведеніемъ тенденціознымъ, и тогда этимъ самымъ оно уже перестаетъ быть великимъ произведеніемъ, тогда, можетъ быть, о немъ позволительно говорить и съ точки зрѣнія маленькой пользы.

Во всякомъ случаѣ, здѣсь уже не приходится судить о Горькомъ и Достоевскомъ, не приходится и спорить о правахъ и значеніи художественности и общечеловѣчности—можно лишь всесторонне обсуждать и критиковать совершенно новое произведеніе—пьесу „Бѣсы“, поставленную московскимъ художественнымъ театромъ, что мы и сдѣлаемъ въ свое время, лично съ нимъ ознакомившись.

Редакція.

КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ

при Конторѣ журнала

„НОВЫЙ ЖУРНАЛЪ для ВСѢХЪ“.

С. Петербургъ, Загородный пр., 36. Телефонъ № 108-88.